

«Когда я согласился стать секретарем Союза кинематографистов СССР, то совершил самую крупную ошибку в своей жизни».

мск новости - 2003 - 14 июля - с 31

ю б и л е й

Элему Климову – 70 лет

Он всегда был неудобным режиссером. Первый его фильм «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» сразу же был запрещен. «Агонию» три раза запускали и три раза закрывали, потом фильм 10 лет пролежал «на полке». После трагической гибели жены, режиссера Ларисы Шепитко, он завершил начатое ею «Прощание», но фильм тогда мало кто увидел – в прокате он почти не был. «Иди и смотри» тоже закрывали, хотя в итоге он и взял золотой приз на XIV Московском международном кинофестивале.

Никто не удивлялся, когда в разгаре перестройки, после знаменитого кинематографического съезда в мае 1986-го, именно Элем Климов стал во главе Союза кинематографистов СССР. Когда вошел в учредительный совет «Московских новостей». Когда в 90-е стал одним из учредителей Фонда защиты гласности.

И вдруг Элем Климов исчез. Его лицо не мелькает на телеэкране, он не публикует мемуаров, не числится нигде, кроме американской Академии киноискусства, присуждающей «Оскара», и жюри премии «Триумф».

– Почему вас совсем не видно на политических и киношных тусовках? Вам это стало неинтересно?

– Обрыдло. Знаете, когда я согласился стать секретарем Союза кинематографистов СССР, то совершил самую крупную ошибку в своей жизни. У меня никогда не было врагов, а тут столько их нашлось. Сколько было тогда членов союза? И каждый – гений. Ресницами покажи ему, что он не гений, и ты враг. Но самое главное, смог бы за это время снять два или три фильма, я был в такой хорошей форме. Прошло три года и понял – все, мне конец, нужно работать творчески. Тогда у нас с братом (Герман Климов – сценарист и соавтор Элема Климова по сценарию к фильму «Спорт. Спорт. Спорт». – Ред.) уже был замысел написать сценарий по мотивам «Мастера и Маргариты», а потом снять фильм. Подчеркиваю, не экранизацию. Я уговорил режиссера Андрея Смирнова подменить меня в союзе на время. Мы с братом поехали за город, сидели и писали. Этот сценарий – самая сложная в моей жизни творческая работа.

– К оригиналу он все-таки имел отношение?

– Мы писали не просто сценарий по роману, а импровизацию на тему. Как бы продолжали жизнь Булгакова, пытались догадаться, что произошло бы с его сознанием, с его талантом, если бы он жил дальше. Это трудно объяснить, но у людей, когда они читают этот сценарий, волосы дыбом становятся. Потому что это все настолько нетипично. Атипично, как теперь говорят.

– Булгаков, когда сжег черновик «Мастера», говорил, что сжег роман о дьяволе. Вам дьявол помешал снять этот фильм или отсутствие денег? Кстати, сколько их было нужно?

– В Америке 13 лет назад мне сказали: «Дайте нам 10 тысяч долларов, чтобы мы подсчитали, сколько денег нужно». Но мой друг, английский продюсер Дэвид Патнем, говорил мне: «Только не с американцами. Им нужен коммерческий фильм, обязательно с известными кинозвездами. А ты на это не пойдешь». Он прав, не пойду. Хотя американцы по сей день предлагают.

– В 1986-м вы делились с нашей газетой грандиозными замыслами. Речь шла о настоящей революции – свободе и капитализме в кинопроизводстве и кинопрокате. То, за что вы боролись, сбылось?

– В то время я был весь в синяках от цензуры, Госкино, ЦК КПСС. Но я так или иначе состоялся, что-то успел снять, а многие кончали ВГИК и исчезали, растворялись, просто гибли. В истории нашей страны это были, может быть, мерзейшие времена. Помню, когда посмотрел на «Мосфильме» только что смонтированный фильм «Восхождение» моей жены Ларисы Шепитко, снятый по «Сотникову» Василия Быкова, я сказал ей: «Тебя

Игорь Гивашев

На съемках фильма «Иди и смотри»

«Мне не скучно с самим собой»

растерзают на куски. Тот же Павленок». Был такой заместитель председателя Госкино по фамилии Павленок, а по прозвищу Подленок. Тогда всех нас терзали, начиная со сценария, который по пять раз надо было приносить в Госкино, и кончая просмотром материала в работе. Когда «Агонию» на 10 лет положили «на полку», то Ермаш, председатель Госкино, который сам же помог запустить этот фильм, объяснял мне: «Ты пойми, тобой занимается Политбюро». Брежнев, когда к нему на дачу привезли копию и показали, произнес, как мне рассказывали, всего одну фразу: «А зачем нам ЭТО?» Но в основном негодовал Андропов.

Сегодня, когда можно делать все, что угодно, такое трудно представить. Я один из тех, кто добивался этой полной свободы. Но в нашем государстве существует такой парадокс: абсолютная свобода не всегда ведет к благо. Кажется, Тарковский сказал, что искусство – это преодоление. Нам приходилось преодолевать, в каждом серьезном фильме существовал эзопов язык, и зрительская аудитория была настроена на прочтение этого языка. Сейчас все говорит прямым текстом, вплоть до мата. И в театре, и в кино. Я не про реплики говорю. Мерзкая ситуация, в которой мы существовали, рождала тем не менее другую образную систему. Сегодня на экране я этого почти не вижу.

– Но новое российское кино все-таки смотрите?

– Одним глазом.

– Не надеетесь увидеть что-то достойное?

– Мой сын Антон – умница и хорошо знает кино. Кстати, у него в этом году тоже юбилей – 30 лет. Так вот, когда по телевизору идет рубрика «Наше новое кино», он тут же говорит: «Папа, выключи». А я и без него выключил бы.

В свое время я, моя жена и Андрей Тарковский зарабатывали на жизнь лекциями. Слава богу, была такая организация – Бюро пропаганды советского киноискусства, и она пыталась нас поддержать. Мы ездили по всей стране, встречались со зрителями. Меня часто спрашивали: «Почему нет молодого поколения режиссеров?» А я отвечал: «Они будут, они растут. Но я боюсь, что цинизм, в котором они растут (конечно, я говорил тогда о брежневской эпохе), приводит к окислению души. А с окисленной душой они никогда не смогут ничего сделать».

– С каким чувством вы наблюдаете за нынешними разборками в Союзе кинематографистов, за дележом собственности?

– С отвращением.

– Недавно по телевидению показали одно из последних интервью Ларисы Шепитко. Она рассказывала, как снималось «Восхождение». Массовка – простые деревенские жители – работала в мороз, отмораживала себе пальцы, но завтра люди все равно приходили на съемки. Им казалось, что они занимаются чем-то настоящим и необходимым. Сегодня такое возможно?

– Вряд ли. Современное кино потеряло к себе уважение.

– А сама ваша профессия, вы считаете, тоже?

– Почему? Вопрос в тех, кто ее представляет. Я в эти дни дал много интервью. Но забыл сказать главное – что же такое для меня кино? Для меня кино – это самопознание. Конечно, я делал свои фильмы для людей. Но я еще и познавал самого себя. Однажды, когда у моей жены был тяжелый период, я отправил ее на юг, в санаторий. Она много времени провела одна, просто бродила по берегу моря. А потом призналась мне: «Вдруг я поняла, что мне с самой собой не скучно». То же самое происходит со мной – мне давно уже с самим собой не скучно.

– Вы замечательно рассказываете друзьям о своем детстве, юности, родном городе. Что для вас значат эти воспоминания?

– Я родился в Сталинграде в 1933-м. Когда город начали бомбить, папа остался там, а мы с мамой и совсем маленьким братом на пароме переехали через Волгу. Это тогда было главное – переплыть через Волгу. Потом долго, несколько месяцев, мы ехали в Свердловск в товарняке. Потом оказались в деревне Коптяки (кстати, неподалеку от нее была захоронена убитая царская семья – позже, когда решил снимать «Агонию», я нашел это место). Потом вернулся папа и забрал нас в Сталинград. И мы увидели – города нет. Были только развалины. А это был светлый и симпатичный город. Я до сих пор помню запах этих развалин. Они пахли трупам, трупы лежали на каждом шагу. Мой брат недавно сделал с товарищем документальный фильм про Сталинград «Ни шагу назад». В самом центре города они увидели, как из-под снега торчат человеческие кости. А рядом – дорога, по ней машины, автобусы ездят. Там вся земля завалена этими костями.

– Вы когда-нибудь, как многие ваши коллеги, сядете и напишете о своей жизни? Или уже пишете?

– Конечно. Однажды собрал разбросанные по дому бумажки и взвесил на напольных весах. Получилось четыре с половиной килограмма. Теперь уже пять. Но это все – стихи.

– Пишете для себя?

– Показываю сыну, друзьям. Один недавно упал с лавки на кухне, так смешно ему было. Не забывают: я же еще и комедиограф.

– Как вы сами считаете – какой фильм удался вам больше всего?

– Тот, который вечером в мой день рождения покажут на канале «Культура» – «Иди и смотри». Этот фильм особенный. За ним ведь тоже стоит Сталинград. Меня всегда мучило, что я не выполняю свой долг и не сделаю свой фильм о войне.

– А свою книгу о войне все-таки напишете?

– Моя мама, пожилая уже женщина, давно просит меня об этом. Постараюсь успеть.

**Беседовала
Наталья ДАВЫДОВА**